

Глобальная геополитика и геокультура

Нурышев Г.Н.

g.nuryshev@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
низкотемпературных и пищевых технологий

В статье отмечается, что в современных условиях более актуальны «мягкие» методы воздействия, поэтому будущее доминирование в мире будет зависеть от культурного преобладания. В этих условиях в геополитике начинают превалировать геокультурные критерии и классическая геополитика трансформируется в глобальную геополитику.

В работе анализируются современные концепции геокультуры, и на этой основе выделяются основные смысловые компоненты, термины и определения геокультуры. Показывается взаимосвязь геокультурной парадигмы с геоэкономическим и геополитическим подходами.

В заключении работы подчеркивается, что геополитическая стратегия России, претендующая на статус геоцивилизационного полюса, должна опираться на культурный генотип российской цивилизации, богатое культурное наследие народов нашей страны.

Ключевые слова: Геокультура, мир-системная концепция, цивилизационное ядро, периферия, русский мир, геокультурные критерии, культурно-географические образы, геокультурное пространство, геокультурная парадигма, геокультурная идентичность, геоцивилизационный полюс.

Global geopolitics and geoculture

Nuryshev G.N.

g.nuryshev@yandex.ru

Saint-Petersburg state university of refrigeration and food engineering

Annotation: The article notes that in modern conditions the "soft" methods of influence are more relevant, that's why the future domination in the world will depend on the cultural prevalence. Under these conditions the geocultural criteria begin to prevail in geopolitics and classical geopolitics is transformed into global geopolitics. The modern concepts of geoculture are analyzed in this article and the main semantic components, terms and definitions of geoculture are allocated on this basis. The interrelation of geocultural paradigm with geo-economic and geopolitical approaches is

also shown in the article. In the conclusion, it is underlined that the geopolitical strategy of Russia, claiming on the status of geocivilized pole, must lean on the cultural genotype of Russian civilization, a rich cultural heritage of our country's nation.

Key words: Geoculture, world-system concept, civilized kernel, periphery, Russian world, geocultural criteria, cultural geographical images, geocultural space, geocultural paradigm, geocultural identity, geocivilized pole.

В начале XXI века нематериальное производство неумолимо движется в сторону виртуализации, в сторону экономики образов, текстов, символов. Уже в настоящее время крупнейшие корпорации мира в качестве основных активов имеют нематериальные активы. Так, корпорация Coca-Cola признана состоящей на 85 % из нематериальных активов, из которых 60 % приходится на совершенно неосязаемое - «good will». Другая корпорация Oracle состоит уже на 90 % из нематериальных активов. 75 % мировой экономики начинают составлять услуги. В таких условиях на первый план выходят не столько стратегические способности, предполагающие умение двигаться в изменчивом пространстве, а творческие – способности создавать новое пространство (политическое, экономическое, культурное, географическое).

Вслед за революциями интеллектуалов и менеджеров происходит креативная революция. Творческий ресурс становится востребован во всех сферах жизни. Аналитики отмечают, что за последние 7 лет процент топ-руководителей, имеющих степени и образование в Arts, вырос на 200 %. Кадровые агентства открывают свои career centers при гуманитарных университетах. В ближайшее время корпорациями будут управлять не администраторы, не стратеги, но творцы. Современные организации требуют еще более «мягких» методов воздействия, управления. Наступает эпоха креатократии. Формирование геополитических кодов в современной мировой политике становится уделом не только тех или иных держав, но и целых геоцивилизаций.¹

В этих условиях классическая геополитика трансформируется в глобальную геополитику, и на первый план выходит т.н. «soft power», «мягкие» (и в первую очередь культурные) составляющие геополитической экспансии. Дж. Най рассматривает «мягкую силу» обычно как побуждение других делать то, что нужно актору, без применения прямого насилия. Поэтому в геополитике в настоящее время начинают превалировать геокультурные критерии.

Понятие «геокультура» достаточно новое для российской геополитической науки. Термин «геокультура» и связанное с ним направление социальных исследований возникли в рамках левого, неомарксистского течения западной политической мысли. «Геокультура» в первом своем значении — синоним «культурного империализма», культурной власти промышленно развитого Мирового Севера над экономически отсталыми странами Юга.

Геокультура — термин, введенный в общественные науки И.Валлерстайном. Понятие геокультуры рассматривается им в контексте своей

мир-системной концепции и связанных с ней глобальных геополитических и геоэкономических проблем.² Под геокультурой И. Валлерстайн понимает культурный способ организации мирового пространства с выделением обществ, входящих в богатое цивилизационное ядро существующего мира, обществ, оказывающихся периферийными, изгоями, и обществ, занимающих позиции так называемой полупериферии. Он использует понятие геокультуры в качестве синонима культурного давления индустриального Центра капиталистической мир-системы на ее аграрную периферию – в частности, давления, обеспечивавшего легитимность мирового глобального порядка посредством внедрения в глобальном масштабе модернизационной установки на национальное развитие. Геокультура в понимании И. Валлерстайна и его последователей может быть таким образом интерпретирована как сохраняющееся культурное влияние бывших метрополий колониальных систем на их экс-колонии.

Геокультура, по И. Валлерстайну, — это культурное основание всей господствующей капиталистической мир-системы, которым был и остается либерализм. Поэтому геокультура, по его мнению, имеет планетарный характер. При этом он подчеркивает, что расизм является постоянной изнанкой либерализма, и этот принцип дискриминации является фундаментальной чертой либеральной геокультуры. И. Валлерстайн отмечает подвижность этого критерия, в силу которой скандинавы, например, являющиеся сейчас естественной частью западного мира, в какое-то время могли рассматриваться жителями Западной Европы как варвары. Эта его мысль прекрасно отражает релятивность геокультуры как формы геополитического проектирования. По мнению И. Валлерстайна, на современном этапе необходимо особое внимание на трансформацию геокультуры в мире, на решение вопроса о векторе и целях этих изменений.

В настоящее время понятие «геокультуры» активно используется и в работах отечественных исследователей и, зачастую, в трактовках, отличных от И. Валлерстайна. Так, с точки зрения Е. Островского, геокультурный подход представляет собой альтернативу геополитическому подходу. Он предполагает, что современные нации представляют собой сообщества людей, объединенных культурой и языком, а не общей территорией.³ В этом смысле границы языковых миров проходят не по территориям, а по людям. В зависимости от того, на каком языке человек говорит и думает, к этому миру он и принадлежит. Точнее сказать, если для вас языком общения и мышления является русский язык, продолжает Е. Островский, то вы принадлежите к русскому миру. Возникает естественный вопрос, как же быть с тем человеком, который говорит на двух, трех языках. Этот человек, по его мнению, и есть пограничный человек, «пограничник», по которому проходит граница между этими языковыми мирами. Здесь граница может превращаться из линии разделения в линию объединения. Е. Островский пишет: «Итак, с одной стороны мы говорим о границе между языковыми мирами. В этом смысле новые границы мира — новые границы в мире миров, объединяющих языковые миры, в котором соприкасаются, взаимопроникают

русский мир с китайским миром, с англосаксонским миром, с романо-германским. И вот они пересекаются, входят друг в друга, причудливым образом слоятся, уже не двухмерно, а многомерно и границы этих миров проходят по людям и русский мир простирается до тех пределов, где есть человек, говорящий по-русски. Входит ли Татарстан в русский мир или Франция — в русский мир, или Израиль? Это русский мир входит в Татарстан, Израиль, Канаду. Это он присутствует там в этих географических пространствах...

Геокультурный взгляд — это взгляд, утверждающий, что народ и нация — это прежде всего язык и культура. Что именно язык и культура объединяют и разделяют людей, что русский — это тот, кто говорит на русском языке, точно так же как американец — это тот, кто говорит на американском языке, потому что американский язык и та культура, которую он в себе несет очень сильно отличается от британского языка и британской культуры, что в современном мире ресурсы языка и культуры являются более важными, чем ресурсы территории. В этом смысле мир геокультуры — мир, где сталкиваются тонкие силы, силы внутрочеловеческого пространства, пространство, которое находится внутри культуры, внутри человеческого сознания и в котором географическое расположение человека и сообщества, и оказывается хоть и важным, но не первостепенным фактором образующим среду обитания, среду жизни».

Других взглядов придерживается Д. Замятин. Он считает, что современная геокультура представляет собой серию культурно-географических образов, интерпретирующих локальные пространства. Для него геокультура — процесс и результаты развития географических образов в конкретной культуре, а также «накопление», формирование традиции культуры осмысления этих образов. По мнению Д. Замятина, каждая культура «коллекционирует определенные географические образы». Наконец, он интерпретирует геокультуру как форму репрезентации политических реалий посредством «пространственных образов». Современная геокультура, согласно Д. Замятину, «представляет собой серии культурно-географических образов, интерпретирующих локальные пространства».⁴

На наш взгляд, более точное, адекватное определение геокультуры дает известный исследователь В. Цымбурский. Он предлагает трактовать геокультуру как способ политического проектирования и политического оперирования, основанного на мобилизации тех или иных культурных признаков, позволяющих субъекту по-разному выделять в мире «свое» и «чужое». «Политическое проектирование и оперирование», на его взгляд, явно ближе к политике, чем к культуре, хоть бы и с приставкой «гео». В. Цымбурский считает, что при геокультурном конструировании пространства речь идет о геополитике, строящейся на культурных основаниях и критериях, т.е. на различении культурно «своих» и культурно «чужих», не политических «друзей» и «врагов» по К. Шмидту, а именно культурно «своих» и культурно «чужих», усваивающих те или иные ценности и не усваивающих их. Геокультурной субъектностью обладают, на взгляд В.Цымбурского, те из государств, которые способны

самостоятельно выбирать себе «своих» и отличать их от «чужих», а также реализовывать политические проекты, основанные на такого рода различиях. В конечном счете, каждая цивилизация, каждое цивилизационное сообщество располагают собственной геокulturой, собственной техникой геокультурного проектирования.

В ряде случаев геокultura порождается какой-то конкретной цивилизацией. В то же время геокультуры могут и выходить за цивилизационные рамки, выступая как большое предложение со стороны цивилизации многоцивилизационному человечеству. Таким глобальным предложением, по мнению В.Цымбурского, была и геокultura «девелопментализма», в том числе в ее русской (ленинской) версии. Иногда в качестве геокультурных субъектов способны выступать народы и страны, хотя и не входящие в ядро той или иной цивилизации, в том числе принадлежащие к цивилизационным лимитрофам, но, тем не менее, отстаивающие программу разделения мира на «своих» и «чужих» и, по возможности, политику, вытекающую из такой программы. Если исходить из данного понимания геокультуры, рассматривая ее как форму геополитики, основанную на различии культурно «своих» и культурно «чужих», и, более тонко, – на различии включенных в цивилизационное ядро, исключенных из него и находящихся в промежуточном пространстве – на цивилизационной периферии, то необходимо будет признать, на взгляд В.Цымбурского, что практически вся российская геополитическая история основана на сложнейшем манипулировании геокультурными критериями.⁵

Для Б. Межуева и С. Градиоровского геокultura, в более узком смысле, — это культурные основания, обеспечивающие связность и легитимность имперских пространств даже в постимперский период. В связи с этим Б. Межуев пишет: «Русский Мир — одна из сетевых структур, способных существовать в мировом геэкономическом океане, и вместе с другими группами потенциальных париев оказывать влияние на формирование геокультуры будущего... Сможет или не сможет русская контрэлита подспудными, едва заметными усилиями трансформировать миропорядок — покажет время. Преимущество нынешнего отчаянного положения — только в одном: если нам окончательно будет уготована участь «три дня и три ночи» провести «во чреве кита», если «чудо юдо», вновь задумавшись о своем цивилизационном самоопределении, не извергнет нас из себя, нам будет уже все равно, кто стоит у власти в России, какой новый начальник отдает приказы. Судьба России будет уже не в руках ее бюрократии, которой придется расплачиваться за проигранную в 1990-е годы геополитическую битву за российский остров».⁶ Социокультурную концепцию геокультуры выдвигает В.Н. Кузнецов. Он пишет: «Геокultura – это смысл, форма и сфера деятельности человека, народов мира и государств в культурном масштабе на основе уважительного диалога, культуры мира и безопасности по поводу формулирования, уточнения и достижения личных, национальных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов; сохранения, развития и защиты норм и традиций людей, семей, наций и обществ, их социальных

институтов и сетей жизнеобеспечения от неприемлемых вызовов, рисков, опасностей и угроз».⁷ В качестве методологии геокультура, на его взгляд, обеспечивает преемственность геополитики и геоэкономики. Безусловно, можно бы рассмотреть и иные точки зрения на геокультуру. Так, предметом специального исследования должна стать геочивилизационная концепция авторов недавно опубликованной монографии «Глобальная геополитика».

Обобщая различные взгляды исследователей, можно выделить основные смысловые компоненты геокультуры:

– Геокультура обозначает сохраняющуюся социокультурную связь бывших колониальных метрополий с территориями, находившимися ранее в их владении, и представляет в современных условиях культурное основание всей господствующей капиталистической миросистемы.

– Геокультурные связи, «сшивающие» индустриальный (а в настоящее время – эволюционирующий в постиндустриальный) мир с т.н. «третьим миром», являются важным фактором в политике натурализации «развитых стран», одним из критерием, позволяющим им различать во внешнем мире «своих», «почти-что-своих» и «чужих».

– Геокультура оказывается одной из форм «культурной репрезентации пространства», в чем-то дополняющей т.н. «цивилизационный» (Тойнби-Хантингтон) подход, а в чем-то представляющей ему альтернативу.

– Геокультуру можно рассматривать как форму репрезентации политических реалий посредством «пространственных образов», как продукт образно-географических интерпретаций.

– Геокультурные пространства формируют сообщества людей, этнические миры, объединенные прежде всего общей культурой и языком.

– Геокультура – способ геополитического проектирования, оперирования и экспансии, основанный на культурных основаниях и критериях, т.е. на различении культурно «своих» и культурно «чужих».

– Геокультура как символический капитал обеспечивает преемственность геополитики и геоэкономики.

Анализ столь емкого понятия, как геокультура, требует дифференциации связанных с ним терминов и определений:

1. Геокультурное пространство — система устойчивых культурных реалий и представлений, формирующихся на определенной территории в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира. Культура в данном случае становится интересной как продукт образно-географических интерпретаций.

2. Геокультура развития — историческая форма культурного давления с целью обеспечения программ модернизации. Геокультура развития — доминирующий концепт 1945-70 гг., являющийся идейным оправданием

неизменно существующего неравенства между центром богатства (господства) и периферией бедности (догоняющего развития). Международная программа догоняющего развития оказалась бесполезной для большинства стран мира, что привело миросистему, по утверждению Валлерстайна, в «нынешний тупик».

3. Геокультурная альтернатива — одна из форм «культурной репрезентации пространства», в чем-то дополняющая «цивилизационный» подход (Тойнби-Хантингтон), а в чем-то представляющая ему альтернативу. Принципиально в ином смысле употребляется геокультурная альтернатива в рамках дискурса современного политического ислама. Геокультурная альтернатива — это действительно альтернативные основания (онтологического порядка) и альтернативный проект справедливого глобального мироустройства, продвигаемые исламом на основе шариата.

4. Геокультурные общности — сохраняющиеся социокультурные связи бывших метрополий с территориями, находившимися ранее в их владении. Геокультурные общности, как правило (хотя и не исключительно), основываются на сохранении языка метрополии в их бывших владениях (доминионах, колониях, лимесе и т.д.) в качестве официального государственного (второго государственного), языка образования или языка культурной и/или деловой элиты. Геокультурные общности тем крепче, чем выше был просветительский потенциал метрополии в период существования колониальной системы.

5. Геокультурные связи — то, что «сшивает» индустриальный (в настоящее время — эволюционирующий в постиндустриальный) мир с т.н. Третьим миром. Геокультурные связи являются важным фактором в политике натурализации «развитых стран», одним из критериев, позволяющим им различать во внешнем мире «своих», «почти-что-своих» и «чужих».

6. Геокультурная периферия — пространство, представляющее собой возобновляемый источник демографического ресурса (иммиграционного потока), отвечающего заданным характеристикам — квалификационным, образовательным, половозрастным, но, в первую очередь, языковым и культурным. Укрепление геокультурной периферии для государств-«демографических реципиентов» имеет принципиальное значение и составляет часть их геостратегического планирования.

7. Геокультурные образы — по Д.Замятину, как указывалось выше, система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в глобальном контексте. Геокультурные образы относятся по преимуществу к экзогенным образованиям, т.е. пограничным, формирующимся на стыке смежных географических образов. Так, например, в формировании геокультурного образа России приняли участие географические образы Восточной Европы, Евразии, Причерноморья, Прибалтики и Кавказа.

Геокультурная парадигма не исключает геоэкономический и геополитический подходы. Прежде всего все они имеют географическую привязку, местные особенности.

Мы отличаем, например, политику, экономику и культуру России от соответствующих систем США. Поэтому можно говорить о (гео)культуре России (Армении или Китая — набор примеров не случаен), имея в виду культуру ее населения, пребывающего в границах отечества, и о российской, русской (гео)культуре, несомой на себе еще и эмигрантами. Понятно, что эмигрантская культура более или менее — в зависимости от ряда причин, но, прежде всего, от поколения — отличается от культуры метрополии; соответственно различаться будут содержания и объемы понятий культуры России и русской культуры. Аналогичное различие можно ввести и для (гео)экономики. Понимаемые в этом смысле русская культура и русская экономика могут быть серьезными ресурсами решения российских проблем. То же самое можно отметить и в случаях Армении и Китая. Как известно, определяющая особенность глобализованного мира — его связность. Поэтому жизненно важна для каждой страны, региона и акторов политики проблема формулирования и переформулирования, определения и обустройства своего места (в частности, как ресурса разрешения собственных проблем) и его границ в таком ограниченном и еще более изменчивом, чем прежде, замкнутом мире.

После краха коммунистической геокультуры Россия как целостность распалась на осколки, на многочисленные, иногда враждебные друг другу идентичности — этнические, конфессиональные, идеологические, — в каждом из которых по своему отражается общероссийская геокультура. Свернув геокультурный проект советского коммунизма как вариант «девелопментализма», по В. Цымбурскому, мы не могли удержать эти территории в поле своей империи, но тем отчетливее к концу 90-х становится видно, что нам придется серьезно бороться за эти территории как за пояс нашей безопасности, наш «защищающий и подпитывающий предел». Тем более что у нас сложилась более реалистичная группировка экспертов, отвергающих любые иллюзии «догоняющего развития», не видящих для России как она есть никаких мировых функций и делающих ставку, прежде всего, на выделение внутри нее элитных группировок, готовых занять место на «краешке стола господ». Эти эксперты стремятся обрести для себя подобие сепаратной геокультурной идентичности за счет отказа от геокультурной субъектности России как национального целого (в данном случае, возможно, точнее было бы говорить о геокультурной проектности). По сути, речь идет о том, что «господа» по ходу планирования мира будут планировать и эту группу, а она в качестве квази-национальных золотых мальчиков станет транслировать на Россию заказ «господ». В связи с этим тезис В. Цымбурского о сжатию России как выборе пути геокультурного одиночества побуждает разрабатывать проекты сотрудничества силовых и экономических центров, выходящих на Великий Лимитроф к востоку от Черного моря. Партнерство России с Китаем и Ираном окажется не просто прагматическим

партнерством в сообществе «своих», как было между нациями-государствами в Европе Нового времени, но небывалым еще геоэкономическим и геополитическим взаимодействием соседствующих «чужих».

Поэтому вопрос о геокультуре как о символическом капитале в геополитике – это вопрос о высоком престиже ценностей и принципов, на которых организовано пространство власти, что заставляет живущий на этом пространстве народ и все окружающие его народы уважать сложившуюся систему геополитических сил. Политическая история знает два пути завоевания символического капитала в геополитике – через овладение символизмом культуры и через овладение символизмом идеологии.

Рубежная русская культура и русский язык пока остаются самым величайшим завоеванием и стратегическим ресурсом России, ее главным энергоносителем. В связи с этим назрела необходимость создания надёжного идеологического фундамента, учитывающего геокультурные особенности и геополитические интересы нашей страны в мире. В то же время следует отметить, что в XXI веке национальная безопасность России стала в значительной степени зависеть от интерпретации её истории.

Россия должна стать мировой державой, активным субъектом в мировой геополитике. Не решая мировых проблем, не напрягаясь для решения сверхзадач, Россия быстро потеряет свою геополитическую субъектность.

Список литературы

1. Глобальная геополитика / под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 7.
2. Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Wallerstein I. After Liberalism. New York: New Press, 1995
3. Островский Е. Новые границы мира: геокультура [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2006/472>
4. Замятин Д.Н. Геокультура: образ и его интерпретации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35978>
5. Цымбурский В. Это твой геокультурный выбор, Россия? [Электронный ресурс]: Научный журнал «Полис». Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/universum/esse/7zmb.htm>
6. Межуев Б. Во чреве кита [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archipelag.ru/geoculture/concept/transform/whale/?version=forprint>
7. Кузнецов В.Н. Геокультура. Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI. – М.: Книга и бизнес, 2003. – С. 8.

